

Борис Лукин

ВЕНОК СОНЕТОВ

Нижний Новгород,
«ВЕРТИКАЛЬ-XXI ВЕК»

2007

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

???????

Борис Лукин

ЛЗ6 Междуречье. Венок сонетов. Нижний Новгород: издательство «ВЕРТИКАЛЬ-XXI ВЕК», 2007. — 20 с.

Новая книга стихов Бориса Лукина «Междуречье» — классический венок сонетов. Книга москвича совсем не случайно издаётся в Нижнем Новгороде. Детство и юность поэта прошли в городе Горьком (теперь Нижнем Новгороде). Закончив МВТУ им. Баумана и Литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии Е. М. Винокурова), остался жить и работать в Москве. Автор нескольких книг стихов. Член Союза писателей России. Лауреат VIII Артиады народов России. Заместитель главного редактора газеты СП России «Российский писатель».

ISBN 5-85480-119-1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

© Лукин Б. И., 2007

© Издательство «ВЕРТИКАЛЬ-XXI ВЕК», 2007

От редактора

Борис Лукин знаком читателям по многочисленным публикациям последних лет, предыдущим книгам и выступлениям на радио, широко известна книга стихов «Самое-самое. Пять поэтов», оказавшаяся программной для поколения сорокалетних.

Новая книга поэта отличается необычным сочетанием традиционности венка сонетов и неожиданно современным для данной формы содержанием.

Венок сонетов «Междуречье» — это, в сущности, поэма, тема которой — размышление православного воцерковлённого русского человека о себе, своём поколении, России — её истории и сегодняшнем дне.

Герой-автор, в сорокалетиши, проводит переоценку своего жизненного багажа, предельно откровенно размышляет о режиме. Он рука об руку с любимой и детьми поднимается ступенька за ступенькой из пропасти «адовой» цивилизованного мира.

Обретение современным человеком Веры, Любви и Надежды, извечного триединства формирующего Жизнь — вот сюжет поэмы.

Венок сонетов

Вогда бы знать, что это половина
Дарованного Богом бытия,
И жизнь немолодая мех старинный
Ещё устанет на разрыв пытать.

*Когда бы путь не показался длинным...
И не пришлось подстать реке петлять,
Дано понять — есть Русская земля.
И заново слагать напев былинный.*

*Столь милым всё покажется ещё,
Что будут и слова — наперечёт.
Успей узнать, назвать, не перепутать.*

*И различат потом день ото дня:
Что не упало, то и не поднять.
Но каждому свой час назначен судный.*

Всегда бы знать, что это половина
Моя — гадает, ждёт который год.
Ей снятся чудны сны. Меня ли видно,
Иль в зеркале клубится небосвод?

Гляди, я выхожу на поединок,
Преодолев забвенья реку вброд.
Иначе угасает древний род,
Мятущийся у жизненной стремнины.

Мы рядом, только руку протяни —
С живой водой и мёртвой родники.
И во хмелю родители, сватья.

И счастье, если стоя под венцом,
Постигнешь смысл, не бывши мудрецом,
Дарованного Богом бытия.

Дарованного Богом бытия

С лихвой хватает новым поколениям:
По серьгам — сёстрам, синяки — братьям,
И те же пересуды и сомненья.

Жизнь станет камнем, будет отлита
По нашей плоти, ждущей Воскресенья.
Хвала Творцу за вечное терпенье.
Опять весна, и птицы встречь летят.

Потворствуя любви, возлюбишь тело, —
Оно для увядания поспело,
И этого перед душой не стыдно.

Пускай дожди сменяются метелью,
Но тем дороже нам за канителью:
И жизнь немолодая, мех старинный.

И, жизнь немолодая, мех старинный
Венка сонетов с гордостью примерь.
Младенцем в храм вносили на крестины,
Теперь ты в вечность отворяешь дверь.

И вот поэт выходит на смотрины
Сквозь времена, пространство, Чудь и Мерь.
И отступает восхищённо смерть.
Звенят катрены, гулко бьют терцины.

Увенчанный златыми кандалами,
Дыханье измеряет он словами.
И с каждым шагом обретают стать

Сонеты, как по щучьему веленью.
Пиит иных времён кольчуги звенья,
Ещё устанет на разрыв пытаться.

Ещё устанет на разрыв пытатъ
Гордиев узел Родины моей
Огнём набегов лицемерный тать, —
Георгия копьё не чует змей.

И нашу крепь, и Божью Благодать,
Торгуя, примеряют по суме...
Сии сокровища не счесть в уме.
Не может человек их взять иль дать.

Наш пост — велик вовеки. Русь Свята!
Дай силы нам во вся дни живота
Не впасть от тягот жизненных в унынье.

И чаемо явленье Божества.
И Пасхи нет без тайны Рождества.
...Когда бы путь не показался длинным.

Всегда бы путь не показался длинным...

Но добрели волхвы издалека.
Нам прожитого ноша непосильна,
Да хоженная тропочка легка.

Хоть тенью повернул я вспять с повинной:
И — мама умирает на руках;
Она простила «неслуха», близка
Её душа моей — одна кровинка.

Крылата тень; но плоть моя земная
Терзает душу, жизни смысл не зная,
Что нажито — боится потерять.

Уж если хлеб насущный дан нам днесь,
То снова повторилось всё, что есть.
И не пришлось подстать реке петлять.

М*не пришлось подстать реке петлять*
Между войной, Ташкентом и Сибирью.
Он просто затерялся среди деляг —
Век двадцать первый, мутный мой пузырик.

Я вижу — что листву сжигает тля,
А память накрывает густо пылью,
И страшно забрести пустынной ширью,
Куда Макар телёнка не гонял.

Забыто, что века вершило злато,
А по утру, как прежде, тьма разъята
Соборным звоном древнего литья.

Как горних звуков гул — вода с небес.
Каких ещё нам требовать чудес!
Дано понять — есть Русская земля!

Дано понять — есть Русская земля!
Уходит в смертный бой за взводом взвод...
Заметно поредевшая семья
С названьем гордым — праведный народ.

Нет царства... Где парад у стен Кремля?
Жизнь городская полная забот
Осталась и работы смертный пот,
Да Родины безлюдные поля.

Но нам не выбирать земной юдоли,
Что в Божье воле, то и в нашей доле,
Хоть сложно снова жизнь лепить из глины.

Ты — царь и воин, пахарь и отец,
Но надо выживать — поэт, певец,
И заново слагать напев былинный.

И заново слагать напев былинный
С утра мой принимается сосед,
Контуженый лет в двадцать на чужбине,
Тем избежавший больших ран и бед.

Давно с ним пить желающих не видно:
Нет рядом закадычных непосед,
И только грустный оставляет след
Его с чертями пьяный поединок.

А терпят горе: мать, отец и дед,
Что с немцем воевал, и тоже сед,
Но это ныне здесь уже не в счёт.

Один младшой врывается во двор,
Извечный с жизнью продолжая спор.
Столь милым всё покажется ещё.

*С*толь милым всё покажется ещё,
Хотя сегодня мы с любимой в ссоре.
Какой-то пустяковый недочёт.
Рассеянность моя — для ближней — горе.

А, может быть, я здесь и не при чём?
Забыл спросить тебя о сущем вздоре.
Но что-то страшное читается во взоре:
Не стоит жить, и мир весь обречён.

Как эту боль, любимая, лечить?
Мгновение — и мы с тобой ничьи,
И даже наше прошлое — ничьё.

Я свиток нашей жизни разверну:
Мы доживём до сладостных минут,
Что будут и слова — наперечёт.

Ч*то будут и слова — наперечёт,
Не верилось, не думалось, не зналось.
Теперь от книг душе негорячо.
Нет писем. И общаемся так мало.*

*А было - предок, словно звездочёт,
Владеющий магическим кристаллом, —
Рассказывал о том, что повидал он:
«Ты помнишь вьюгу?» — начинал вечёр.*

*Обычное письмо дарило тайну.
Черёд свой знало всё. Патриархально,
Неспешно шли века, года, минуты.*

*Мир онемевший жмётся у Креста,
Но прежде, чем кричать «Распни!», простак,
Успей узнать, назвать, не перепутать.*

Успей узнать, назвать, не перепутать —

Ни бабочки похожей, ни цветка.

Ласкает спину ветерок попутный,

И волны гонит времени река.

Песчинки мотыльков сгребу под утро,

Под лампою... О, как же смерть легка —

Земля и пепел, срез известняка, —

И опознать в ней то, что жило — трудно.

Для этого мы, кажется, живём.

Потомок подчеркнёт карандашом

И вспомнит между делом про меня,

Про облачко, звезду и колосок.

Я — север, юг... Я — запад, и восток...

И различат потом день ото дня.

И различат потом день ото дня.
 Как брёвна — по условленной засечке.
 Готовую избу легко поднять
 До матицы, до песни на крылечке,

До жаркого в моём окне огня
 И расторопной жёнушки у печки,
 Которой — лишь бы тайные словечки
 Шептал, что колокольчиком звеня.

Уверенно в строфу ложатся строчки:
 Как будто в колыбель: сынок и дочери,
 И на погост — родители, родня.

И вот почти готов венок сонетов.
 Здесь дышит отблеск будущих рассветов.
Что не упало, то и не поднять.

Ш*то не упало, то и не поднять...*

От революций — оторопь и жуть.
Твой сын, Россия, с головы до пят,
Един аз в неразумии лежу.

Завистнику — богач, родне — бедняк.
«Бог помощь...», — я соседушке скажу, —
Выкраивает во поле межу,
С собой не заберёт он даже пядь.

Век двадцать первый, верный мой читатель,
Пойдёшь с сумой или подашься в тати?
Всё впереди? Лежат слова под спудом.

Кто б ни был ты, но будет страшно жить,
Не помня о спасении души.
Но каждому свой час назначен судный.

Н*о каждому свой час назначен судный.*

И вот Любовь вошла, не постучась.
Хозяйничает, грохает посудой,
Решив, что у поэта жизнь скучна.

А он уже бредёт по первопутку,
Охолонив пыл ражий у ручья.
Помедли смерть — он музу повстречал.
Забудь его, оставь хоть на минутку.

Дай вынянчить и выпестовать стих,
Что на руках, как дитяtko притих.
Болит ещё покуда пуповина.

Пусть жизнь даётся раз и лишь одна.
Пусть эту боль не вычерпать до дна,
Когда бы знать, что это половина.

Борис Иванович Лукин
МЕЖДУРЕЧЬЕ
Венок сонетов

Редактор: Г. А. Попов
Художник: Н. Г. Ибрагимов
Фото: В. Петухов
Верстка: Н. Г. Ибрагимов
Корректор: К. О. Семёнова

Макет изготовлен Издательским домом «Российский писатель»

Издательский дом «Российский писатель»
119146 Москва, Комсомольский пр-т, 13, тел 246-58-43
E-mail: ano_ropisatel@mtu-net.ru
www.ridrp.ru

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим отзывы о книге, её содержании,
художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:
Москва, Комсомольский пр., 13.
Издательский дом «Российский писатель».
Адрес в интернете: kеrbу64@maif.ru

Получено в набор 14.11.2006. Подписано к печати 19.01.2007.

Бумага офсетная. Формат 84x108^{1/32}
Печать офсетная. Зак. 27/02 Тираж 1 000 экз.

Издательство «Дятловы горы»
603005, Нижний Новгород, ул. Минина, 6
тел. (8312) 19-24-28, e-mail: pofezno@maif.ru

Отпечатано в типографии издательства «Дятловы горы»
603167, Нижний Новгород, ул. Маршала Казакова, 5
тел. (8312) 43-16-68